

И. Еловскій

Голодный поход Оренбургской арміи

(Из воспоминаний участника похода).

1921 г.

ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго монастыря при Русской
Духовной Миссіи.

Голодный поход Оренбургской арміи.

(Из воспоминаний участника похода).

Послѣ того, как Южная армія¹⁾ потерпѣла тяжелое поражение под городом Актюбинском, потеряв в боях много плѣнных, кромѣ убитых и раненых, она была прижата к Тургайской степи. Вслѣдствіе сложившихся обстоятельств, много казаков и солдат добровольно сдались красным, уже послѣ сдачи города Актюбинска. Во время отступленія Южной арміи, Актюбинск был временно главной базой, а потому там находились госпитали, интендантства, эвакуированныя из разных мѣст учрежденія, бѣженцы, штабы 4-х корпусов и нѣкоторых других частей.

1 сентября 1919 года, совершенно внезапно, красные атаковали Актюбинск, с послѣдка Всесвятскаго, т. е. с юго-западной стороны города. При поддержкѣ наступавшей пѣхоты и кавалеріи, они открыли сильный артиллерійскій огонь. Над городом летал большевистскій аэроплан, сбрасывая бомбы.

В городѣ создавалась страшная паника. Видно было, что здѣсь не ожидали внезапнаго появленія красных. Творилось что-то невѣроятное. Почти весь город, кто мог и успѣл, спѣшно эвакуировался. Вся степь в районѣ Актюбинска на нѣсколько десятков верст, в особенности на юго-восток, как единственный путь отступленія, покрылась обозами. Вхали верхом, в ѡкнажах, на автомобилях, или пѣшком... Орудійная канонада, пулемѣтная стрѣльба, крики, стоны—все это сливалось в общій гул

¹⁾ Южная армія была сформирована из отдѣльной оренбургской арміи в началѣ 1919 года. Послѣдняя состояла почти исключительно из казаков Оренбургскаго войска, возставших против большевиков в срединѣ 1918 года, и основаніем для нея дѣлялся отряд атамана Дутова, который с 1917 года боролся с большевиками.

и хаос. Вскорѣ показались кавалерія красных, которая, заняв город, быстрым набѣгом отбѣжала почти половину движущейся на города ленты и возвратилась с добычей обратно.

Будучи неподготовленными к такой неожиданности, всѣ, съѣздно вышедшие из города, как воинскія части, так и бѣженцы, обозы и проч. перемѣшались между собою в общем хаосѣ, толпою двигались, сами не зная, куда, лишь бы быть подалеже от опасности. В таких условиях о сопротивленіи не могло быть и рѣчи, и хотя нѣкоторыя части защищали город и прикрывали отходивших, но онѣ немедленно были опрокинуты красными. Друг на друга нагоняла панику, всѣ растерялись и не знали, что дѣлать, куда двигаться и дальнѣйшем, гдѣ сборный пункт и проч.

Так вся толпа, объятая стадным инстинктом: куда один, туда и всѣ — двигалась до ближайшаго поселка Темиррейскаго (в 30-ти верстах от города на юго-восток). Здѣсь ночевали и утром 2 сентября двинулись на поселок Романовскій. Поход до этого поселка продолжался три дня. За это время всѣ стали понемногу успокаиваться, разыскивать свои части и объединяться. Каждый из отступавших знал, что поселок Романовскій — это послѣдній населенный пункт, послѣ котораго пойдут Тургайскія степи, гдѣ не только трудно достать продовольствіе для арміи, но даже трудно пройти. Есть переходы до сотни верст, гдѣ нѣтъ воды, всюду сильный песок, без всякой растительности. Созданная обстановка гнетуще дѣйствовала на измученных казаков и солдат, и они заявили, по приходу в поселок Романовскій, что дальше нигде не пойдут, а возвратятся домой. Так и сдѣлали многіе из них*).

Остатки нашего полка, который находился со дня возстанія на фронтѣ в непрерывных боях и пользовался боевой славой, также пришел в поселок Романовскій. Казаки упали духом и были настроены весьма тревожно. Командир нашего полка донес по начальству: „полк находится второй год в непрерывной боевой дѣятельности, а за послѣднее время особен-

* Нѣкоторыя части успѣли отойти от города Актюбинска на юг, по линіи Ташкентской ж. д., до станцій Джурин и Эмба, гдѣ от них также отступили многія части. Остатки этих частей, которыя подошли пойти через Тургайскія степи на Сибирь, соединились с нами уже между Иргазом и Тургаем.

но, в исключительно трудных условиях, переутомлен и упал духом. У казаков нѣтъ не только обуви и теплаго обмундирования, но у многих нѣтъ даже шинелей, а приобретение таковых не предвидится еще на неопредѣленное время, несмотря на приближающіеся холода и начало сентября мѣсяца. Дальнѣйшее движеніе к юго-востоку от Актюбинска, в связи с болѣею и болѣею разрѣженностью населенія и ночлегами в чистом полѣ, в плохой одежонкѣ, при недостаткѣ фуража и продовольствія, заставляло казаков задумываться о дальнѣйшем пути и предстоящих лишеніях. В поселкѣ Романовском часть казаков заявила, что они дальше не пойдут, одновременно с этим потребовали выдачи авансов для обратнаго слѣдованія домой, т. е. в сторону красных; в противном случаѣ, грозили оставить у себя обоз и денежный личик. Получив отказ, они привели свою угрозу в исполненіе. Многіе казаки отказались от подчиненія.**)

Тревожное настроеніе в частях нарастало с каждым часом. По пути отхода солдаты и казаки бросали и жгли оружіе: все чаще и чаще повторялись угрозы командиру составу. Особенно это замѣчалось в пѣхотных частях, гдѣ открыто велась разлагающая агитация. Представители одного митингующаго N-го пѣхотнаго полка явились и в наш полк.

Явившіеся солдаты созвали вокруг себя казаков нашего полка и заявили: „всѣ части рѣшили сдаться большевикам, вмѣстѣ с оружіем, и выдать офицеров, так как отступить больше некуда, або пойдут дальше Тургайскія степи, а потому мы требуем немедленнаго ареста офицеров.“ Хотя часть казаков нашего полка категорически отказалась отступить дальше, но ни одному казаку не приходило даже мысли выдавать офицеров своего полка, с которыми они были братьями по бранному полю и, связанные одной общей идеей, переносили вмѣстѣ так долго голод, холод и разныя лишенія.

** Настоящая и кончанъ только самую insignificantую выписку из рапортовъ командира нашего полка, как документовъ, имеющих в будущемъ важное историческое значеніе. Эти рапорты были затребованы отъ командировъ всѣхъ частей Южной арміи командующимъ этой же арміей генерал-майоромъ Вяземским; отъ командира каждой части требовалось извѣстіе объ основныхъ причинахъ разложенія частей и сдачи казаковъ и солдатъ краснымъ. Вся равнорядность командировъ частей имѣетъ почти тождественный характеръ между собою.

В требованія лившимся было отказано, но все же казаки боялись, как бы этим не вооружить против себя бунтующія другія части, и, в связи с этим, держались индифферентно.

Видя такое поведеніе казаков нашего полка, лившимся солдаты заявили, что они сами арестуют офицеров и под своим коновом доставят, куда нужно. Одновременно с этим солдаты стали между собою препираться, кому первому войти к офицерам полка, сидѣвшим в маленькой хохлацкой избенкѣ, и объявить им о своем намѣреніи. Первым войти никто не соглашался. Тогда рѣшили бросить жребій, который пал на двух из шести пришедших солдат. Послѣдніе сразу же отказались, говоря: „с офицером плохая шутка: отсѣчет голову тебѣ, а вѣдь все же нужно идти домой. Все время носали и живы остались, а тут ни за что погибнешь.“

Один из солдат заявил, что он зайдет к офицерам, но без оружія и под каким-либо предлогом. „Если я войду с оружіем или все сразу, то мы выдадим себя, офицеры догадаются, в чем дѣло, и примут мѣры защиты“ — так объяснил солдат.

Все эти разговоры, происходившіе за открытым окном избы, гдѣ сидѣли офицеры нашего полка, послѣдніе слышали, а потому, приготовив оружіе, ждали, что будет. Солдат нѣсколько раз обошел вокруг избы, а затѣм постучал в дверь и попросил разрѣшеніе войти. Солдату было разрѣшено войти. Он по всем правилам строевого устава отдал честь и, не убрав руку, отпоротонал, что он прислан в наш полк от такой-то части узнать, какой наш полк имѣет маршрут. Конечно, офицеры знали дѣйствительную цѣль посѣщенія, но все же сказали солдату, что еще никаких распоряженій не получено. Солдат с подбавою вѣжливостью хотѣл уходить, но к нему подошел подьесаул Фокин и сказал: „вы хотите идти домой, мы вас не задерживаем — не мѣшайте и нам ѣхать домой или туда, куда мы хотим“. Пришедшій хотѣл что-то возразить, но, посмотрѣвъ на здоровую фигуру Фокина и видя его вооруженным, убѣдился, что дѣйствительно, пожалуй, лучше не мѣшать офицерам, и ушел. Вслѣд за этим мы узнали, что один из полковых командиров, полковник Богданов, объединяет казаков и солдат, позираниющихся домой, объявив, чтобы все оставалось на своих мѣстах, так как все в цѣлом пойдет к красным.

В эту же ночь, т. е. с 5 на 6 сентября 1919 года, офицеры всех находившихся тут частей, казаки и солдаты, пожелавшіе пойти через Тургайскія степи на Сибирь, для соединенія с Сибирской арміей, успѣли организовать в маленькія группы и выѣхать из поселка Романовскаго. К ним присоединилось и семья бѣженцев.

Стража, выставленная, по приказанію полковника Богданова, для задержанія всех ѣдущих из поселка, была мало бдительна, или не обращала никакого вниманія на происходящее. Во время нашего отъѣзда, в поселкѣ Романовском происходило что-то ужасное: возвращающіеся домой жгли патроны, оружіе, казенныя и офицерскія вещи; стоял крик, шум; слышались стрѣльба, музыка и пѣніе. Всюду видѣлись большіе костры огня. Пооблок горѣла в двух мѣстах.

Так перестала существовать в цѣлом Южная армія, героически боронившаяся с численно превосходящим противником. Мнѣ пришлось быть свидѣтелем трагической агоніи этой славной когда-то арміи и вмѣстѣ с остатками ея совершить большой и трудный переход вплоть до китайской границы.

Все остатки частей Южной арміи, разбившіеся на разныя группы, вышедшія из поселка Романовскаго, переваливъ Мугдажарскій хребет, оказались в степи Иргизскаго уѣзда Тургайской области. Специальнаго обоза не имѣлось, так как запасов продовольствія и фуража не было. И раньше ощущался в этом большой недостаток, а теперь, при послѣднем выѣздѣ, было и негдѣ достать, да и некогда. Людям было объявлено, что каждый будет получать продовольствіе — 2 фунта сырой баранины. Хлѣба и других продуктов, за полным отсутствіем таковых, выдаваться не будет.

Все движущіяся по Тургайской степи группы предостаняли из себя то давнюю живую ленту, то отдыхающую на лонѣ степи пеструю толпу. Все снѣжили, чего-то боялись, нервничали, осорились, бросали вещи и даже лишнюю одежду, лишь бы не утомлять лишним грузом себя и свою лошадь. Много казаков, солдат и бѣженцев отстали от своих частей и групп, а потому пробирались от одной группы к другой. Каждый пуце смерти боялся остаться без лошади, а послѣднія очень часто исчезали во время остановок.

С каждым днем наши запасы истощались. Доставать продуктов было негде, так как в пустынной, безводной, песчаной и совершенно лишенной растительности степи не было населения. Если где и кочевали киргизы, то, услышав, что идут русские, откочевывали куда-нибудь подальше от пути нашего следования. Благодаря питанию одним мясом, начались массовые желудочно-кишечные заболевания. Смертность сильно повышалась. Были частые солнечные удары, со смертельным исходом. В первую же неделю пути пало много лошадей, в особенности кровных. Многие были оставлены на пути, как отказавшиеся идти далее от изнурения. По всей дороге целыми рядами стояли и лежали лошади, обреченные на вѣрную гибель. Жаль было смотреть на этих несчастных и невольных жертв человеческих неурядиц: с такою невыразимо глубокою грустью смотрѣли они на мимо проходящие обозы и людей, дѣлая попытку присоединиться к нам, но от слабости не могли сдѣлать ни одного шага. Очень много лошадей гибло в соляных озерах по степи, когда, послѣ перехода по трудному и безводному пути, они на остановках пускались пастись. Увидев озерко, лошади жадно бросались к водѣ, но тотчас же выли в очень топкой грязи, будучи не в состояніи, по своей слабости, выбраться из топа.

Случалось, что по нѣскольким дням в пути не было воды. А когда подходили к озерку, вода в нем оказывалась столь соленою, что не годилась не только для питья, но даже для умыванія. Иногда можно было видѣть, как у озера, разбѣром и квадратною сажень-двѣ, лежат трупы утонувших лошадей, и здѣсь же казак, встав на эти трупы, достает из-под них в котелок воду.

Также нередко можно было наблюдать, как около павшей лошади рыдала вся семья бѣженца, обреченная остаться в степи на голодную смерть. Кто им поможет в этом горѣ, и к кому обратиться, когда каждый спасает себя, и, может быть, не сегодня-завтра сам окажется в таком же положеніи? Чувство состраданія нечуждо у каждого. У дороги лежат умирающіе люди, который умоляет о помощи, протягивает руку к проходящим, плачет, стонет, но никто не видит и не слышит. Такія картины становились обычными. Вот жена и дѣти оплакивают мужа и отца, а здѣсь кто-то бьется в пред-

смертной агоніи, пораженный солнечным ударом... Никто ни на что не обращает вниманія. Каждый исполнен только одним желаніем: вперед, как можно, скорѣе вперед, ибо каждая минута промедленія грозит смертью.

В началѣ нашего путешествія по голодной степи, погода стояла благопріятная, хотя днем бывало иногда очень жарко. Ночи были теплыя. К нормальному движенію не было особенных затрудненій, за исключеніем плохой дороги и глубокаго песка. Утром вставали рано, чтобы успѣть до жары сдѣлать полупереход. Во время полуденной жары дѣлалась остановка часа на два, на три. А затѣм продолжали путь вплоть до ночи. Конечно, было бы лучше ѣхать в ночное время, ибо не страдали бы ни люди ни лошади от сильной жары, жажды и преждевременнаго утомленія. Но это представлялось, по нѣкоторым причинам, неудобным: в темную ночь легко можно было сбиться с направленія и потерять дорогу, которой в так почти не было; кромѣ того, лошади во время ночной прохлады лучше ѣли и отдыхали. В дневную жару лошади не ѣли, а лѣзали к водѣ, стараясь избаниться от жары, комаров и овода.

Мѣстами степь была так безводна и мертва, что ни одного звѣря, ни одной птички, ни одного насекомаго нельзя было увидѣть. Никаких признаков жизни. Каждый день мы видѣли необъятное пространство степи. Каждый день все тот же вид, все тѣ же картины. Монотонно, однообразно... И настроеніе все то же: тяжелое, подавленное, с нехорошими предчувствіями. Я часто видѣл миражи: вдаль—красивый большой город, с многочисленными церквями, башнями и красивыми зданіями. Или чудный оазис с дивною растительностью, садами, рѣкою и проч... Порой мираж представлялся так ясно, что я начиналъ уже вѣрить в дѣйствительность его; я не хотѣлъ, чтобы это был только обман зрѣнія, галлюцинація. Иногда бывало и обратное: реальная дѣйствительность представлялась оном или галлюцинаціей.

Продуктов в пути почти не было. Мясо, единственный продукт, который служил нам питаніем, нередко портился от жары. Не было в степи и топлива. Считалась очень рѣдкою и счастливою та остановка, гдѣ можно было найти сухіе травяные корни, и можно было сварить чай, конечно, если есть вода, а то может быть одно, но не быть другого.

Однажды во время пути разразилась гроза, продолжавшаяся больше суток, с сильным дождем и вѣтром. Движеніе стало невозможным, так как глубокій песок пропитался водой. Мы промокли до костей, ибо у всех нас, кромѣ шинелей, не было ничего, чѣм бы можно было предохранить себя от дождя. Спать во время остановки приходилось на мокрой землѣ, без всякой подстилки и прикрытія, под сильным дождем. Мы страшно измучились физически и нравственно, прозябли и были голодным. Зажигать огня было нельзя: вѣт топлива, а если были травяные корни, то они были смочены дождем и не горѣли.

Послѣ грозы мы продолжали наш путь с невыносимыми трудностями, по грязи и глубокому мокрому песку. На первых трех верстах пути, измученныя лошади начали останавливаться, нѣкоторые издыхали. Каждый из нас предпочитал лучше умереть самому, чѣм остаться без лошади, и для облегченія лошадей, до полного изнеможенія, сами помогали им тащить телеги. Хозяин павшей лошади бросал на дорогѣ телегу и все имущество, а сам вѣсним присоединялся к своим спутникам, рассчитывая на милость послѣдних и полагая, что они не дадут ему умереть голодною смертью. Лошади значительно с каждым днем убывали. Пѣших стало больше, чѣм конных.

Так шли мы по степи нѣсколько дней.

Наше положеніе стало улучшаться лишь при приближеніи к маленькому городу Иргизу. Здѣсь стали попадаться киргизскія кибитки, хотя и вдали от пути нашего слѣдованія.

Сейчас же были посланы команды казаков и солдат, для реквизиціи верблюдов, которыми и были пополнены все наши обозы. Каждый из оставшихся в живых путешественников с благодарностью будет вспоминать этих милых животных, которые дали нам возможность продолжать ужасное отступленіе.

Перед приходом в Иргиз каждый предвкушал удовольствіе отдохнуть, заготовиться продуктами и проч. Вечером 13 сентября мы увидѣли, впервые за все путешествіе, населенный пункт. Это был уѣздный город Иргиз, Тургайской области. Трудно описать нашу радость, когда мы увидѣли сіяніи, при блескѣ солнечнаго дня, церковный купол, а затѣм и весь город. Город расположен на берегу рѣки Иргиз и представляет

живописный и привлекательный оазис. Все дома выглядят очень скромно; сдѣланы они из глины. Населеніе состоит из татар и киргиз; есть нѣсколько русских правительственных учрежденій.

К сожалѣнію, нам не только не удалось осмотрѣть город, но и заготовиться продуктами и подкормить здѣсь верблюдов и лошадей. Через сорок минут послѣ нашего прихода в Иргиз, нам пришлось с лихорадочною поспѣшностью продолжать свое путешествіе, так как было получено извѣстіе, что в двадцати верстах от города, со стороны Челкара, появилась кавалерія красных. Перед нами лежал путь на Тургай. Хотя здѣсь дорога была немного лучше, но вообще этот переход оказался тяжелым. Люди устали. Много было больных. На пути очень часто встрѣчались могилы, а то и совершенно не зарытые трупы, оставленные впереди идущими. Дорога была такая же однообразная и монотонная, как и до Иргиза. На этот раз каждый ободрял себя тѣм, что он увидит многолюдный областной город Тургай, бойкій торговый пункт, гдѣ можно будет достать хоть маленькій кусочек прѣснаго или кислаго хлѣба, отдохнуть и заготовиться продуктами. Звали мы также, что в Тургай находится штаб арміи и командующій арміей, а потому все ожидали получить здѣсь ободряющія новости. Вечером 20 сентября мы подошли к городу и расположились вблизи него, так как город был переполнен прибывшими воинскими частями остатка Южной арміи и бѣженцами. Помимо этого, верблюдов и лошадей нам нужно было кормить подожным кормом, так как фуража у нас не было.

Каково было наше разочарованіе, когда мы, вмѣсто большого города, увидѣли маленькую деревушку с глиняными домишками. Достать что-либо из продуктов в Тургай было абсолютно невозможно, ибо все было уже захвачено прежде прибывшими. В городѣ вмѣстѣ нѣкоторые правительственные учрежденія, и жило немного русских; остальные жители—татары и киргизы. Город является главным торговым пунктом в Тургайской степи, имѣя торговые сношенія с Оренбургской губ., русским Туркестаном и Сибирью.

Вот в этом самом городѣ, утром 21 сентября, генерал Бѣлов, собрав все остатки Южной арміи, которая успѣла подойти к этому времени сюда, в послѣдній раз говорил перед

нами, как командующий армией, но ничего утешительного не сказал. Он, назвав нас всех „чудо-богатырями“, приказал всем группам на следующую же день последовательно отбывать дальше на поселок Державинский, первый русский поселок в Тургайской степи. Из слов командующего армией мы узнали, что нас, таких „чудо-богатырей“, осталось от Южной армии еще около двадцати тысяч, которые идут на Сибирь.

Утром 22 сентября, пробыв в Тургай меньше двух суток, мы снова двинулись в путь. Дорога стала немного лучше. Чаще попадались вода и хороший подножный корм для верблюдов и лошадей. На известных разстояниях пути здесь уже выставлялись комендантские этапы. Хотя на них никаких запасов продовольствия и не было, но все-же они устанавливали нормальный порядок движения и остановок. Этапные коменданты давали проходившим группам различные справки и объединяли их; указывали путь следования и следили за порядком и нормальным движением.

Было уже начало октября месяца. Вышал первый снег, но скоро стала. Начались холодные ветры, в особенности ночью. А нам днем и ночью приходилось быть в одних шинелях, которые каждому загибали матрац, подушку и одеяло. Осень сильно давала себя чувствовать. Понемногу нам стали изменять и наши последние друзья — верблюды. Они останавливались в пути, вследствие плохого корма и изнурения от больших и трудных переходов. Хотя до поселка Державинского оставалось немного, но нужно было из-за верблюдов двигаться медленнее и делать дневки.

Днем 5 октября мы увидели сначала купол церкви, ветряные мельницы, а затем и весь поселок. Русский поселок! Нашу радость и восторг невозможно описать. Крики: ура! прокатились по дикой степи. Каждый в душе горячо молился и приносил слова благодарности Богу. Нам казалось, что Тургайский поход был для нас гораздо опаснее, чем пребывание на фронтах германской и гражданской войны. „Мы еще живы! Мы спасены!“ раздавались возгласы с разных сторон. Грустными и мрачными лица, бывшие у всех до этого, стали радостными и веселыми. Казалось, что мы все уже забыли, что видели, и что пришлось пережить. Мы не знали еще тогда, что готовят злая судьба нам в будущем.

Поселок Державинский находится в Акмолинской обл., основан переселенцами из центральных губерний России. Крестьяне поселка очень зажиточны, приняли нас гостеприимно. Все было переполнено пришедшими группами и беженцами, а потому, в целях разгрузки поселка, все прибывающие немедленно отправлялись на Атбасар. *)

С Державинского до Атбасара путь лежал уже по линиям сел и деревень. По прибытии в Атбасар, штаб армии и некоторые части разместились в городке, а остальные — в окрестных селах. Остатки Южной армии, для соединения с Сибирской армией, должны были выйти на Петропавловск, но были получены сведения, что Петропавловск уже сдан. Предполагалось выйти на Омск. А пока люди должны были отдохнуть, части — сформироваться. Командующий Южной армией, генерал Блюм, выехал по вызову в Омск, в ставку Верховного Правителя. Из остатков Южной армии была сформирована отдельная оренбургская армия. Командующим был назначен из ставки Верховного Правителя войсковой атаман Оренбургского войска, генерал-лейтенант Дутов.

Вскоре отдельной оренбургской армией было приказано двигаться на Кокчетав и Омск, но уже было поздно: Омск пал, а потому оренбургская армия пошла на Акмолинск и Баркаралинск, с целью пробиться на Семипалатинск и Ново-Николаевск, где предполагалось соединиться с Сибирской армией. Но и тут оказалась неудача: Семипалатинск пал от внутреннего восстания. Таким образом, оренбургская армия оказалась совершенно отрезанной.

Какие же были перед нами возможности? Пробыть на Семипалатинске — нет достаточного количества патронов и снарядов, и нужно было, кроме того, выдерживать напор преследующего нас противника, наирающего с тыла. Армии ничего не оставалось, как идти через Баркаралинск на Сергеевск и в Семиречье, для соединения с отрядом генерала Хабенкова.

В это время красные стали проявлять особенную активность, делая попытку совершенно окружить армию. Начались

*) Уездный город Акмолинской области, станция Сибирского казачьего войска.

внезапные набѣги на тыл и с фланга на центр отходящим группам арміи. Бой велся одновременно: в авангардѣ, в арьергардѣ, на флангах, а иногда и в центрѣ арміи. Красные захватывали много обозов и людей и препятствовали нашему нормальному и спокойному движенію.

В одной из таких внезапных схваток с красными погиб доблестный генерал Вашиевскій, начальник сызранской дивизіи. В его лицѣ как сызранская дивизія, так и оренбургская армія понесли чувствительную утрату. Тут же погибъ извѣстный своею храбростью и подвигами полковник Булгаков. Ко всемъ бѣдствіям прибавилось еще одно: появились эпидеміи тифа сыпного, брюшного и возвратнаго. Эти эпидеміи унесли людей больше, чѣм пало их на полѣ брани. Едва ли сохранился хоть одинъ человекъ, не болѣвший тифом, начиная от генерала и кончая казаком. Смертность доходила до ужасающихъ размѣровъ.

Путь из Каркаралинска ¹⁾ до Сергіополя лежалъ черезъ Каркаралинскія степи и былъ очень продолжителен. По пути слѣдованія, здѣсь в извѣстныхъ пунктахъ выставлялись киргизскія лѣтнія кибитки, в коихъ помѣщались коменданты этакон. Назначенія своего кибитки, конечно, не оправдывали, так какъ при 30° и 40° холода было почти безразлично: находиться ли подъ открытымъ небомъ или в дырливой лѣтней киргизской кибиткѣ, безъ всякаго отопленія. Если чѣмъ и были полезны эти кибитки, то только тѣмъ, что указывали направленіе слѣдованія частей и содѣйствовали связи и объединенію проходившихъ частей. Умершихъ в пути слѣдованія проходившія части сдавали этапнымъ комендантамъ для погребенія, конечно, безъ всякихъ ужъ религіозныхъ обрядовъ. Комендантъ поручалъ похороны подчиненному своему киргизскому старостѣ, а послѣдній—еще кому-нибудь.

К 15 декабря 1919 года части арміи стали прибывать в Сергіополь ²⁾.

¹⁾ Каркаралинск—станція Сибирскаго казачьяго войска, родина нашего національнаго героя и русскаго патріота Корнилова.

²⁾ Сергіополь—станція Семирѣченскаго казачьяго войска, находится около двухсотъ верст отъ западной границы Китая.

Здѣсь мы узнали, что между командующимъ отдѣльной оренбургской арміей, генерал-лейтенантомъ Дутовымъ, и командующимъ семирѣченскимъ отрядомъ, генерал-майоромъ Анненковымъ, достигнуто было соглашеніе, по которому наша армія вливалась в семирѣченскій отряд, сохраняя наименованіе „оренбургскаго отряда.“ Семирѣченскій отрядъ переименовывался в „отдѣльную семирѣченскую армію.“ Генералъ Анненковъ оставался командующимъ этой арміей, а генералъ Дутовъ получалъ назначеніе военнымъ генерал-губернаторомъ Семирѣчья, с подчиненіемъ командующему отдѣльной семирѣченской арміей. Командующимъ оренбургскимъ отрядомъ назначенъ былъ генерал-майоръ Бакичъ, бывшій лихой командиръ 4-го корпуса Южной арміи, с непосредственнымъ подчиненіемъ командующему семирѣченской арміей. Одновременно оборона Семирѣчья была раздѣлена на два участка: Учаралъ и Ленскій—семирѣченской арміи; а от Сергіополя до Вахты—оренбургскому отряду. Атаманъ Дутовъ, имѣя маленькій отрядъ, какъ конвой, могъ выбирать мѣстонахожденіе по своему усмотрѣнію, но не теряя связи с генераломъ Анненковымъ.

Хотя оренбургскій отрядъ и занималъ свои позиціи, удерживая таконныя, но не могъ уже быть по прежнему боеспособнымъ, так какъ почти весь отрядъ превратился в повальныхъ больныхъ тифомъ. Части с каждымъ днемъ таяли. Смертность была ужасающая. Медициментовъ никакихъ почти не было, а также и ухода. Хотя госпиталь Краснаго Креста и принималъ больныхъ, но на весь отрядъ было мало госпитальной администраціи. Медицинскимъ персоналомъ дѣлался обходъ по квартирамъ расположенія частей, гдѣ находились больные. Иногда среди больныхъ два, три человекъ умирали и лежали вѣсть с больными по нѣсколькимъ дней, так какъ не только вынести умершихъ, но подать пять больнымъ было зачастую некому. Случалось, что, вслѣдствіе недосмотра, одинъ или нѣсколько человекъ, находясь в сильномъ бреду, выходили изъ квартиръ в одномъ бѣльѣ, босые, и разгуливали, при 25-30° холода, по снѣгу.

Отъ каждой части назначались особыя команды, которыя непрерывно рыли могилы и носили туда умершихъ. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человекъ. Жители селъ, в которыхъ размѣщался отрядъ, тоже повально были все больны; ихъ положеніе было еще хуже, так какъ похоронить умершаго, вы-

рыть могилу было некому. Приходилось обращаться только к помощи казаков, в то время, когда они зарывали своих в могилы. Но казаки не соглашались ни за какие деньги зарывать в одну могилу не принадлежащего к отряду. Только после горячей мольбы, благосклонно соглашались иногда присоединить к своим и „штатского“.

Тут же еще киргизы, видя слабость русских, не преминули отомстить своим бывшим врагам, а потому стали заниматься грабежами и убийствами. Отдельным лицам, будучи в командировку, приходилось рисковать часто жизнью. Вот один из многих случаев. По служебным делам выехали пять человек русских: три офицера и два казака. Был сильный холод; выехали озляли и свернули с дороги в ближайшей киргизской аул обогреться. Пока грелись, в саклю набралось очень много киргиз, человек до шестидесяти. Вдруг киргизы бросаются на русских. Заняты борьба. Одному из офицеров удается освободиться и выдернуть из рук киргиза браунинг. Вооружившись, офицер произвел в упор два выстрела и убил напопаз двух киргиз. Больше в браунинг патронов нет. От неожиданности отпора киргизы растерялись и приостановились. Воспользовавшись этим, один из казаков выдернул из рук киргиза винтовку, и, пока заряжал ее, киргизы бросались бжать. Казак пустился в догонку по пузю, и четверо остались на месте. Пятой пулей казак промахнулся: „выбирай поздорожье“, как он потом рассказывал. Впоследствии выяснилось, что в этом же ауле за два дня до указанного происшествия был убит казначей одного из полков оренбургского отряда и с ним казак. Это было между Сергиополем и Урджаром, в средине декабря 1919 года.

Подобный же случай был на китайской границе, в начале января месяца 1920 года. Шесть человек офицеров было командировано в город Зайсан из станицы Урджарской. Так как китайская граница клином пръзается между Урджаром и Зайсаном, то, в целях сокращения пути, офицеры поехали через китайскую границу. По пути следования они узнали, что Зайсан занят большевиками, а потому вернулись обратно. По дороге их задержали вооруженные киргизы и представляли киргизскому старосте, для выяснения личности. У офицеров оказалась только консульский документ, который

староста и посмотреть не пожелал, говоря, что русский консул теперь человек маленький, и его документы ничего не значат, и просил дать документы, написанные по-китайски или по-мусульмански. Так как такого документа не оказалось, то офицеров арестовали и подвергли самому тщательному обыску. Отобраны были все подозрительные вещи. В число последних попали, конечно, перочинные ножички, ножницы, серебряный портсигар и проч. Оружия офицеры не имели, так как, согласно положению, сдали его русской пограничной страже. Задержанным объявляли, что их под большим конвоем отправят в Зайсан, где большевикам: киргизы, очевидно, надбавлялись получить за каждого доставленного русского денежную награду.

Через некоторое время смотреть на русских пленных собралось больше ста киргиз. Все со смехом, лязгающе указывали пальцами на русских, и каждый считал долгом внимательно рассмотреть того неизвестного „глуур-уруса“, перед которым сотни лет трепетали его предки. Некоторые, не вѣря глазам, переходили к ослзательному анализу: щупали нос, голову, волосы, руки и одежду задержанных. Офицеры, побывав во многих боях в германскую войну и стоя все время перед лицом смерти в гражданскую войну, казалось бы, должны были привыкнуть ко всякого рода опасностям. Но здесь они пали духом. Тяжело было издвигательство киргиз, увѣренных в превосходствѣ своей силы над беззащитными людьми. Находившийся с офицерами военный чиновник не выдержал и заболѣл нервным расстройством. Офицеры знали, что много русских было убито и ограблено киргизами. Знали также, что в районе Семипалатинска большевиками производилась вылавливания, при помощи киргиз, отдельных лиц и бженцев из Семипалатинска и Каркаралинска. Перед ними обрисовалась картина: гибель от киргиз или от большевиков, которым выдадут офицеров за деньги. Оставалось бжать, по уйти из-под такого многочисленного конвоя было невозможно. Откупаться — дорого запросят, нет денег. Но все же пленные упростили старосту отпустить их на свободу за выкуп. Староста взял с них: 3 коня, с каждого по 500 руб. романовскими деньгами, по две пары ббля и одну пару сапог; отобранное при обыске не было возвращено. Пленные

расплатились и в ту же ночь покинули своего гостеприимного хозяина, возвратившись пешком в Чугучак, а оттуда в свою часть, которая была недалеко на русской границе.

Одновременно с этим красные заняли Сергиополь, но дальше не пошли, так как нужно было наступать через Тарбагатайский перевал, между Сергиополем и Урджаром. В зимнее время этот перевал очень труден, а во время буранов и непогоды невозможен. Поэтому красные решили выждать для дальнейшего наступления более теплого и благоприятного времени. Оренбургский отряд от Сергиополя отступил и занял от перевала до границы Китая все мелкие деревушки и три больших станции: Урджар, Маканчи и Бахты.^{*)} К этому времени наш отряд мог располагать только стеновыми палисадом и глубиной.

В таком положении оренбургский отряд находился до середины февраля месяца 1920 года.

„Горные орлы“ (так называли себя большевики, засевшие в горах Тарбагатай, куда ушли еще год тому назад из ближайших сел и деревень, от преследований отряда генерала Анненкова), стали дѣлать набѣги на населенные пункты, где помещались беззащитные и больные оренбуржцы.

В ночь февраля большевики, выждавшие благоприятной погоды, повели наступление на оренбургский отряд, сблизив его и переслаивая Тарбагатай. Вследствие этого, оренбургский отряд выставил на позиции все, что можно было только набрать для защиты. С одной стороны были большевики, с другой — китайская граница. Оставалось защищаться, или переходить китайскую границу, сдав оружие китайцам. Обстановка была все же достаточно ясна: держаться уже негдѣ и не с кѣм, отряд не получал питания ни продовольствием ни огнестрѣльными припасами. Кроме того, борьба не могла вызываться

^{*)} Станция Семиреченского войска — это главная база по пути отхода демобилизованного отряда.

От Урджара до границы Китая около ста верст. Маканчи перенесено в „Анненково“, находится на старой границе России с Китаем, в 45-50 верстах от новой границы.

Жители Бахты — переселенцы из разных губерний России; во время приписались к Семиреченскому войску. Бахты находится почти на самой границе Китая. В зимнее время здѣсь стояли войска для охраны границы и пограничная стража.

ни тактическими ни стратегическими соображениями, и потому не было смысла в напрасной трагѣ людей.

Поэтому следовало бы, пользуясь моментом, отводить людей из опасной полосы и сосредотачивать к самой границе Китая. Но генерал Баквич не хотѣл переводить своих славных оренбуржцев через границу на положеніе простых бѣженцев, а потому приказал держаться до послѣдней возможности. Больные, перенесшие три вида тифа, без отдыха, страдая от холода, при плохом обмундированіи и продовольствіи — были втянуты в бой казаки и солдаты бывшей оренбургской арміи.

Еще раз дрались оренбуржцы хорошо и не раз были зарванными красных. В этих боях был тяжело ранен генерал Шеметов, начальник 2 оренбургской казачьей дивизіи.

„Отец-командер“, как его называли казаки, был очень популярен среди них.

Своим непрерывным пребываніем на фронтѣ в теченіе полуторах лѣт, он заслужил самое теплое к себѣ отношеніе и зарекомендовал себя рѣдкою храбростью. Он был хорошим начальником и чутким, внимательным человеком.

Красные, сосредоточив большія силы, заставали все же оренбургский отряд отходить и, заняв станцію Урджарскую и Маканчи, прижали его к границе Китая. В это время генералом Баквичем велось переговоры с китайскими властями о переходѣ границы русским отрядом. Переход границы был разрѣшен.

Все госпитали, учрежденія и обозы были эвакуированы за границу, в китайскій город Чугучак, стоящій в 18-ти верстах от станціи Бахты, между которыми проходит русско-китайская граница. 13 марта 1920 года отряду было приказано перейти китайскую границу и сдать оружие китайским властям. Утром 14 марта арьергард отряда с боем стал подходить к русско-китайской границе. Красные, ожидавшие сдачи отряда на границе, поняли, в чем дѣло, а потому, не желая отпустить своих прагов, в конной строю бросились в атаку, дабы окружить и задержать, а в крайнем случаѣ, взрывать отступающих. Казаки и солдаты открыли сильнѣйшій пулеметный и ружейный огонь. Кавалерія красных, понеся порядочныя потери, отступила обратно. Орен-

буржюны же, разстрѣляли почти всѣ патроны и сдѣлали все, что можно было сдѣлать, с сознанием неисполнимаго долга, перешли предѣлы своего многострадальнаго отечества и вошли в чужую страну. Это было часов в 6-7 утра 14 марта 1920 года.

Перешедших было свыше десяти тысяч человек, не считая бѣженцев. К моменту перехода, опомнившаяся кавалерія красных торжественно подъѣхала к китаяцкой границѣ, но перейти послѣднюю не посмѣла, так как китайцы для охраны границы сосредоточили много войск. Долгое время со стороны красных неслось нѣкое революціонныхъ нѣсен, крики: ура!, видны были насмѣшливые и угрожающіе жесты по адресу перешедших.

Наша часть была интернирована китайцами. Китайцы приказали всѣм сдать оружіе холодное и огнестрѣльное, даже офицерам не разрѣшили взять при себѣ почетнаго оружія. Все полученное оружіе китайцы отравили в Чугучакскую крѣпость. Так очутились мы в чужой странѣ, среди чужого народа.

Всѣх нас разбѣстали в военный лагерь, находившійся под открытым небом, на берегу рѣки Эмпал, в 40 верстах от города Чугучака. Здѣсь на десятиверстномъ пространствѣ, по правому берегу рѣки Эмпал, всѣ части были симметрично расположены, сохраняя свое прежнее управленіе и названія частей. Для представительства и надзора от китайскихъ властей была назначена при лагерѣ русскій комендантъ с командою китайскихъ солдат. Довольствіе было от китайцев, но за личныя средства отряда, с такимъ расчетом, что каждый интернированный, будь то солдат или генерал, получаетъ продовольствія в сутки: $\frac{1}{4}$ ф. баранины и 1 ф. хлѣба. Конечно, если бы доставка продовольствія, в особенности хлѣба, происходила нормально, то хоть голодно, но все же существовать можно было бы. В виду же того, что хлѣб доставлялся неаккуратно и с опозданіем, отряд иногда должен был голодать. Китайскіе чиновники несвоевременную доставку хлѣба объясняли тѣм, что будто бы здѣсь мало мельниц, и они не усмѣиваютъ вымалывать достаточное количество хлѣба, необходимое для китайскаго населенія, гарнизона и русскаго

отряда. Этого на самомъ дѣлѣ не было. Заботливымъ Баклѣемъ было обнаружено, что китайцы выгодно сбываютъ муку на сторону.

Казакъ и солдаты оренбургскаго отряда, будучи до конца вѣрными своему долгу, во имя котораго перенесли так много страданій, не могли сносить голода и лишеній на чужбинѣ, среди несправѣливаго чужого народа. Многие приуныли и стали выражать желаніе возвратиться обратно в Россію—домой. Никакихъ препятствій к возвращенію в Россію, как со стороны команднаго состава, так и китайскихъ властей, не ставилось. Казакъ и солдаты уходили „домой“ группами, так как отпустить всѣхъ желающихъ сразу не разрѣшили китайскія власти. Каждый из насъ зналъ, что ни один из насъ не попадетъ домой, а будутъ всѣ еще по дорогѣ мобилизованы или посажены по тюрьмамъ большевиками. Командиры частей, а равно и всѣ остающіеся в лагерѣ, к уходившимъ отнеслись с должнымъ вниманіемъ. Были отслужены напутственныя молебны. Трогательно было разставаніе с людьми, с которыми у насъ в теченіе столь долгаго времени были одни интересы, одинъ печаль и радости. Теперь каждый, отдавшись в руки судьбы, хотѣлъ найти лучшее. В то время было трудно сказать: тотъ ли счастливъ, кто идетъ в Россію, на милость вчерашнихъ враговъ, поближе к своимъ роднымъ очагамъ, или тотъ, кто останется, претерѣвая разныя лишенія, на чужбинѣ.

Командиръ 15 оренбургскаго казачьяго полка, полковникъ Габбовъ, когда подошла очередь отправки казаковъ названнаго полка, приказалъ собраться всѣмъ офицерамъ и остающимся в лагерѣ казакамъ на молебенъ и проводы уходившихъ. Полковнымъ священникомъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго священникъ с крестомъ в рукахъ обратился к уходившимъ со словомъ. Онъ указалъ казакамъ на ихъ заслуги передъ Церковью, защиту ими религіи, на ихъ подвиги, жертвы и лишенія, во благо нашей родины, для которой они сдѣлали все, что могли, а потому ни св. Церковь ни родина не забудутъ ихъ. Сильныя рыданія, какъ среди уходившихъ, такъ и среди остающихся, заглушили слова священника. Послѣ священника обратился к нимъ съ рѣчью полковникъ Габбовъ. В своей прекрасной рѣчи онъ сказалъ: „Я не хочу упрекать васъ за то, что вы поки-

даете нас; неизвестно еще, какая судьба ожидает нас, здесь остающихся. Но я хочу указать вам на наши жертвы, которые вы принесли на благо дорогой нам родины и родного войска. В течение почти двух лет я с вами время был среди вас; я видел ваше искреннее желание освободить свое отечество от большевистского засилья. Много вы сдѣлали ради этого, много наших братьев-станичников и однополчан пало смертью храбрых на полѣ брани. Благодаря созданным обстоятельствам, мы оказались здесь. Я вѣрю в вас, как и всегда, а также вѣрю, что вы, уйдя в советскую Россію, гдѣ будете, быть может, мобилизованы большевиками, останетесь все же вѣрными казаками. Счастливы пути! С Богом!.."

Казаки, слушая своего любимого командира, появленіе которого среди них во время боя рѣшило часто судьбу послѣдняго, сквозь рыданія кричали: „приходите снова с оружием в Россію, мы снова будем с вами, никогда не будем с большевиками!“

Послѣ этого колонна уходящих казаков стала удаляться по направленію к русской границѣ. Долгое время мы смотрѣли вслѣд им, удаляющимся к неизвестному будущему. Никто из нас не подумал даже послать им упрек в догонку. Никто не мог этого сдѣлать, ибо каждый понимал эти оборванных, полубосых и измученных людей.

Послѣ ухода казаков и солдат в Россію, в лагерь осталось немного меньше половины того количества, которое перешло границу, не считая бѣженцев и тѣх частей, которые находились у атамана Дутова и генерала Линенкова. По сдѣлкѣ нами станицы Маканчи, с указанными частями связь была прервана еще в февралѣ мѣсяцѣ 1920 года, и мы о них ничего не знали. И только почти через мѣсяц послѣ перехода границ мы узнали, что вышеуказанные отряды тоже перешли китайскую границу недалеко от города Кульджи. *)

Жизнь на новоселья первое время была тяжела. Стала развиваться хандра, уныніе и безпокойство за будущее. Но мало-по-малу люди начали привыкать к своему новому положенію, и жизнь стала входить в колею.

*) Кульджа — китайскій город, находится на западной границѣ Китая, восток 750 южнѣе города Чугучак; сообщеніе между этими городами весьма трудно и только караванное, т. е. на верблюдах и ослѣх.

23 апрѣля, день Георгія Побѣдоносца, который является традиционным войсковым праздником Оренбургскаго казачьяго войска, рѣшено было, по примѣру прежних лѣт, отпраздновать, устроив скачки на лошадях с призами, джигитовку, оостязанія, сокольскую гимнастику и военные игры. На праздник были приглашены русскій чугучакскій консул и чугучакскій военный губернатор со свитою. В день праздника при штабѣ отряда был отслужен торжественный молебен, а затѣм все собралось к мѣсту игр. К 4-м часам дня сюда же приѣхали русскій консул и китайскій губернатор. К моменту приѣзда послѣдняго все части были построены в одну общую колонну для встрѣчи. Так как губернатор приѣхал в экипажѣ, то ему была подана верховая казачья лошадь для осмотра и поздравленія русских. Губернатор верхом объѣзжал фронт и важно возглашая: хо! Казаки и солдаты громкогласно отвѣчали тоже: хо! своему новому „союзнику“, как называл его казак. На губернаторѣ была простая казачья шапка, браунинг в простой кобурѣ и офицерскій бинокль. Свита его была вся вооружена самым разнообразным видом оружія, конечно, русскаго, быть может, того же, которое отобрали у нас. Затѣм были исполнены послѣдовательно все номера программы игр и состязаній. Губернатор был очень доволен и все рѣшил со своею свитою: хо! даже, когда уже все кончилось. Больше всего ему понравилась казачья джигитовка и сокольская гимнастика. В одном из номеров джигитовки было исполнено: казак похищает жену другого казака. Казачка лихо садится на одну лошадь вмѣстѣ с возлюбленным, и они стараются ускользнуть, но муж казачки, догнавъ похитителя, убивает его, а жена лихо уѣзжает от преслѣдованія мужа. Роль женщины исполнилъ переодѣтый в женскій костюм казак, и исполнилъ хорошо. Губернатор принял казака за настоящую женщину, и с удивленіем произнес: „У казаков даже и женщины умѣют очень хорошо ѣздить на лошадях!“ Послѣ чего губернатор, сіяющій и довольный, пообѣщав, что он постарается улучшить продовольствіе интернированнаго русскаго лагеря, и отбылъ, сопровождаемый вперемежку криками: хо! ура! и проч.

Постепенно жизнь лагеря начала оживать. Настроили из талов собѣ-балаганы; строили и один для себя, или вмѣстѣ по нѣскольку человек. Право на постройку давалось без

всплывших земельных и крепостных формальностей на недвижимое имущество. Впрочем, едва ли можно было назвать балаган недвижимым имуществом: иной беспокойный жилец не раз перетаскивал свой балаган с места на место. Дѣлать вѣсьм было нечего, жилось хоть голодно, но не скучно. Появились бандура, краса русской музыки—гармонія. Понеслось малое, родное русское: „Виза по матушкѣ по Волгѣ“, „За Уралом за рѣкой“ и „Комаринскіи“. Звук замирая гдѣ-то и даля пустынных китайских полей. Казалось, Турбагатай, склонив свои свѣжия вершины, внимал чуждым ему звукам. Жапоронок, единственный пѣвец мѣстных полей, прекращал свою пѣсню в небесной лазури. Порой думалось, что тут собрались люди празднаго досуга, с цѣлью повеселиться.

В центрѣ всего лагеря помѣщался Красный Крест, гдѣ было много сестер милосердія.

Едва только спадет дневная жара, как уже толпою идут шестеры, по направлению Краснаго Креста. Здѣсь свѣдой полковник, юный корнет и даже робкій прапорщик. Во всѣх четырех направлениях вокруг расположенія Краснаго Креста, тонно разгуливала публика по-парно и группами, прачем обмѣн разсказов и впечатлѣній был так весел, что все время слышался громкій смѣх: то звонкий или тоненькій дѣвичій голосок, то пріятный баритон корнета или низкая октава военнаго чиновника. Конечно, относительно разнообразія костюмов и нарядности лучше будет промолчать.

Всѣ четыре аллеи, идущія от палаток Краснаго Креста, получали свои названія. Первая улица, как и всегда, была названа Атаманскою, хотя на ней не было ни одного атамана; вторая называлась—Невскій проспект; третья носила названіе—Поэзія и Грусти, а четвертая—Любви.

Эти улицы всегда были оживлены. Здѣсь коротали свое время люди, так много перенесшіе, но не потерявшіе все же своей жизнерадостности и бодрости. Здѣсь же, на этих аллеях, можно было получать самыя свѣжія новости (из авторитетных источников), чуть ли не непосредственно из Москвы, Петрограда, Лондона, Токио, Парижа и проч. По этим свѣдѣніям, уже давно Японія разбила Америку, Денакин, совместно с поляками, взяла Москву, Сибирь до Урала уже очищена от большевиков, и всюду возстанія и возстанія против больше-

виком! Увы! Это была только „вѣсти“! Здѣсь же можно было встрѣтить разных знаменитостей: если кто выиграл партію в шахматы, или нарисовал удачно карикатуру, картинку, то об этом сейчас же можно было здѣсь узнать.

Были у нас и поэты, время от времени раздражавшіеся „геніальными“ произведеніями в прозѣ и в стихах.

Был и любительскій драматическій театр, гдѣ ставили даже такія пьесы, как „На дѣлѣ“ Горькаго.

Театр, концерты и прогулки по улицам Поэзія и Грусти привели кое-кого к намѣренію, под охраной доблестной китайской стражи и просвѣщенных граждан этой страны, зажить в своем собственном балаганѣ тихим семейным счастьем. Для этого требовалось немногое: износить дѣлѣ пары сапог (чего не было даже у самого Бакича) по улицам разных названій и затѣм закрѣпить создавшуюся симпатію самым законным русским браком. А гдѣ же церковь и вѣнцы? Но в этом остановки не было. Влюбленный в один день устраивал прекрасную таловую походную церковь. Сюда приносили иконы из батюшкинаго походнаго ящичка. Влюбленная подруга в тот же день дѣлала из лыка чудные вѣнчалыные вѣнцы. Полковому батюшкѣ—что? Приничное дѣло. Только посмотрит внимательнѣе в лицо: русскій ли, мол, а то можно по ошибкѣ и катавша обвѣнчать. Самым серьезным образом, в теченіе лѣта 1920 года было обвѣнчано в таловой церкви и лыковыми вѣнцами сватѣб больше десяти. Конечно, выдавались соответствующіе документы, как и у нас на Св. Руси. И так, часто наряду с трагическим можно было видѣть и комическое.

Все же положеніе русских в лагерѣ, в общем, было безотраднѣе. Лѣто стало уже проходить, а отряд продолжал жить на лѣтнем положеніи. Всѣх пугала зима. Из отряда началось массовое бѣгство в разные стороны, но больше всего на Ургу и далѣе, откуда многіе кѣли в виду добраться до частей атамана Семенова, или проѣхать на Восток. На зимовку отряду не разрѣшили размѣститься среди китайскаго населенія, а приказано было китайскими властями тут же, на мѣстѣ лѣтняго расположенія, вырыть зимнія землянки. До этого всѣ ждали, что на зиму их переведут куда-нибудь среди населенія, а потому такое распоряженіе тяжело по-

дѣйствовало на всѣх. Роющіе землянки говорили, что они роют себѣ могилы. Пожалуй, это походило на правду. Жизнь в сырых землянках, без топлива, обмундирования и при полном недоѣданіи могла сказаться на лагерьѣ губительно. Врачи предсказывали цыngu и другія неизбежныя эпидеміи.

В концѣ августа 1920 года, с большой грустью, расстался я с русским лагерем, имѣя нѣльзя пробѣжать на Восток, через Великій китайскій караванный путь, до Пекина. Я не знаю, как этот лагерь перенес зиму этого года, и что с нимъ случилось вообще... Боюсь и думать об этом.

О том, как эти люди попали в лагерь и стали изгнанниками из родного отечества, перенося невѣроятныя трудности, лишения и національныя униженія—я считал своим долгом повѣдать в этом скромном повѣствованіи. Занеска моя весьма кратка, онѣ не захватывают сотой части той дѣйствительности, которой я и многіе другіе были свидѣтелями.

Эта дѣйствительность выражалась в разных ярких особенностях: беззавѣтная преданность своему долгу истинных сынов своего отечества; траурный путь от Урала вплоть до границы Китая: тѣ дикія азіатскія степи, гдѣ теперь с миром покоятся бывше бойцы в забытых могилах... Бѣдныя казачьи и крестьянскія избушки, киргизскія саки... И берега почти никому невѣдомой китайской рѣчки Эмилъ, которой волею судеб предначертано было приютить у себя мужественных людей; достойных граждан своей Родины.

В тѣни угрюмаго Тарбагатая, под тихое журчаніе струек Эмилъ, несутся къ тебѣ, о наша далекая Матушка-Россія! благословенія, надежды и мечты многих преданных и вѣрных твоих сынов... ✓

И. Еловскій.

Пекин.

10 марта 1921 г.